

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.15>

Ларионов Игорь Юрьевич, Перов Вадим Юрьевич, Севастьянова Алина Дмитриевна

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА

Статья посвящена анализу проблемы возможности наделения моральной ценностью принципа верховенства права ("The Rule of Law"). Проводится исследование аргументов современного представителя правового позитивизма Иосефа Раза в контексте его понимания верховенства права в отношении концепции "внутренней морали права" Лона Фуллера. Принцип верховенства права рассматривается как признак достоинства права, близкого по значению с его моральной добродетельностью. Данная проблематика развернута в рамках продолжающейся дискуссии между теорией естественного права и правовым позитивизмом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/4/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(90) С. 71-75. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 172.1

Дата поступления рукописи: 09.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.15>

Статья посвящена анализу проблемы возможности наделения моральной ценностью принципа верховенства права (“The Rule of Law”). Проводится исследование аргументов современного представителя правового позитивизма Иосефа Раза в контексте его понимания верховенства права в отношении концепции «внутренней морали права» Лона Фуллера. Принцип верховенства права рассматривается как признак достоинства права, близкого по значению с его моральной добродетельностью. Данная проблематика развернута в рамках продолжающейся дискуссии между теорией естественного права и правовым позитивизмом.

Ключевые слова и фразы: этика права; юридический позитивизм; юридический натурализм; принцип верховенства права; внутренняя мораль права.

Ларионов Игорь Юрьевич, к. филос. н., доцент

Перов Вадим Юрьевич, к. филос. н., доцент

Севастьянова Алина Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет

i.y.larionov@gmail.com; vadimperov@gmail.com; sevastianovaa@yandex.ru

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-03-00388-ОГН.

В центре внимания статьи анализ дискуссии современного философа и правоведа Иосефа Раза (*Joseph Raz*, род. 1939 г.) с Лоном Фуллером, признанным классиком философии права XX в. Основными объектами исследования являются труд Л. Фуллера «Мораль права», в котором изложены принципы внутренней морали права, а также эссе И. Раза “The Rule of Law and Its Virtue”. К сожалению, данная дискуссия пока оставалась вне внимания отечественных исследований в области правоведения и философии права.

Для названия исследуемого текста И. Раза мы предлагаем перевод «Верховенство права и его достоинство». Как показано в статье, И. Раз, исходя из своего понимания свойств системы права, пользуется возможностью употреблять английское слово “virtue” в значении как «нравственной добродетели», так и «положительного качества», «достоинства» вообще. Это соответствует происхождению “virtue” как термина: через латинское “virtus” оно представляет перевод древнегреческого “arete”, которое обозначало выдающиеся качества, превосходства, совершенства любого рода – не только нравственного [7, с. 169].

Предметом исследования статьи выступает доктрина «верховенства права» (“The Rule of Law”) в контексте теоретических проблем сущности права и его связи с моралью. В английском языке особый статус права в рамках данной концепции подчеркивается употреблением определенного артикля “the”, который выполняет в данном случае смыслообразующую функцию, так как выражение “rule of law” значит просто «правовая норма», та или иная отдельная норма права.

Основными методами работы являются концептуальная реконструкция взглядов данных авторов, а также сравнительный анализ их позиций, приведенных в указанных текстах. Помимо этого, в статье философски проблематизируются такие ключевые подходы, как юснатурализм и юспозитивизм: рассматривается различие между теорией естественного права и правовым позитивизмом, а также то, как эти две теории влияют друг на друга.

Тем самым в фокусе теоретического внимания статьи находится проблема соотношения морали и права, решение которой актуально не только в философско-теоретическом ключе. Ряд политических практик непосредственно апеллирует к той или иной из двух позиций (например, т.н. гражданское неповиновение – к юснатурализму). В некоторых отдельных вопросах правотворчества и правоприменения также проявляются концептуальные противоречия по данному вопросу [3, с. 42-43].

Поскольку тема взаимосвязи морали и права имеет длинную историю и является крайне сложной и обширной, в рамках данной статьи невозможно дать ее исчерпывающий обзор. Зафиксируем наиболее общие аспекты. Мораль можно рассматривать как совокупность императивных ценностей и представлений, в основе которых лежат отвлеченные идеи о высшем благе и высших ценностях. Эти ценности и требования носят нормативный характер: они определяют правильное поведение человека, а также совершение надлежащего поступка в конкретной ситуации. Общественно-значимый характер моральных норм и ценностей проявляется в том, что они осознаются как пределы того, что общество считает приемлемым.

Закон можно понимать как форму, которая повторяет эти требования и ценности и стремится их поддержать. Иной подход мы находим в юридическом позитивизме, представляющем собой теоретическую и методологическую позицию, согласно которой как определение права, так и законотворческая практика должны быть освобождены от обращения к представлениям о моральных ценностях.

Важнейшим представителем юспозитивизма в XX в. стал учитель И. Раза британский правовед Герберт Харт. Его позиция может быть охарактеризована как «мягкий» позитивизм (soft positivism) – в противоположность «строгому» позитивизму (hard positivism) его ученика. По мысли Харта, не существует необходимой связи между содержанием морали и права, а существование юридических прав и обязанностей не требует

какого-либо нравственного оправдания [11, с. 102-136]. Вместе с тем сформулированное им «правило признания» может рассматривать совместимость или несовместимость нормы с моральными ценностями как критерий ее юридической действительности [6, с. 11]. Именно этот тезис был впоследствии развернут Хартом в качестве доктрины «мягкого позитивизма», который тем самым предполагает минимальное содержание естественных прав в системе права, а также допускает обращение к морали в качестве критерия определения права. Строгий же позитивизм, напротив, исключает любые обращения к морали в ходе формирования права. Таким образом, мягкий позитивизм рассматривается как включающий, пусть и с оговорками, мораль в сущность права (*inclusive positivism*), а строгий позитивизм – как исключаящий ее (*exclusive positivism*), более того, настаивающий, что обращение в юридической теории и практике к морали имеет тенденцию к разрушению самого права.

Жесткий позитивизм отрицает, что правовая система может использовать моральные ограничения в качестве критерия юридической действительности. Эксклюзивные позитивисты, включая Иосефа Раза, присоединяются к тезису, согласно которому существование и содержание закона всегда можно определить, ссылаясь на его источники, не прибегая при этом ни к каким моральным аргументам. И. Раз полагает, что системообразующим началом права следует считать формальные моменты, а именно: источником норм права должна быть воля законодателя, но необходимо не забывать о концептуальном фоне права – его содержании. Правда, оговаривается И. Раз, все без исключения юридические решения должны быть подвергнуты этической проверке [8, с. 161], хотя остается не очень понятным, что он под этим подразумевает.

Теория естественного права, или юснатурализм, исходит из позиции, что закон и мораль имеют непосредственную связь. Классическим представителем этой теории выступил Фома Аквинский, а среди современных теоретиков – Лон Фуллер. Согласно юснатурализму, право – это не просто то, что принято в качестве закона. Чтобы закон был действительным, он должен соответствовать некому высшему уровню законности, и этот уровень как раз и может быть рассмотрен в качестве морального. Иначе говоря, теория естественного права предполагает учитывать существующие в обществе ценностные позиции, культурные реалии. Это позволяет более адекватно и критически оценивать эффективность существующей законотворческой и правоприменительной практики, а также рассматривать их реформирование как необходимый и естественный процесс.

Традиционно в качестве недостатков юснатурализма указывают заложенную в нем возможность подчинения права политически ангажированному морализаторству. Игнорирование закона на основании его противоречия некому естественному порядку ценностей может привести к социальным катаклизмам. В связи с этим важной становится проблема установления того, что именно понимать под этим высшим законом. Если Фома Аквинский полагал, что таковой исходит от бога, то Лон Фуллер утверждал, что правовая система должна соответствовать принципам «внутренней морали права» (“*internal morality of law*”).

Важнейшим аспектом внутренней морали права у Л. Фуллера становится то, что ее критерии содержательно связываются им с принципами, которые в англо-американской традиции именуется «верховенством права», дословно – «правление права», “*The Rule of Law*”.

Доктрина «верховенства права» включает в себя принципы формального и процедурного характера, определяющие способ управления обществом. Формальные принципы касаются общности, ясности, гласности, стабильности и перспективности норм, регулирующих поведение в сообществе. Процессуальные принципы относятся к процессам, которые руководствуются этими нормами, и институтам, таким как суд и судебная система. При этом отдельные авторы включают в концепцию верховенства права презумпцию равенства [2, с. 366-375] и даже уважение прав частной собственности. Помимо Л. Фуллера и И. Раза приверженцами доктрины «верховенства права» выступили такие ведущие философы политики и права, как Ф. А. фон Хайек, Дж. Финнис, Р. Дворкин и Дж. Ролз, хотя понимание этого принципа у них всех существенно различается.

Находясь под сильным влиянием глобальной исторической повестки XX в., в частности нацистского режима в Германии и сталинского в СССР, Л. Фуллер стремился на основании своей концепции «внутренней морали» права создать определенные нравственные ориентиры для правовых систем. В книге 1969 года «Мораль права» он исходит из того, что в основе внутренней морали правовой системы лежит, во-первых, «мораль долга», в функции которой входит обеспечение правил для упорядочения общества [9, с. 15], и, во-вторых, «мораль стремления», а именно стремления к совершенству правовой системы. Причем Фуллер высказывается, что «внутренней морали права суждено оставаться в значительной степени моралью стремления, а не долга» [Там же, с. 58].

Согласно Л. Фуллеру, право само по себе несет определенную моральную ценность в двух отношениях:

- 1) право способствует утверждению социального порядка;
- 2) право согласовывает социальный порядок с принципом уважения к автономии человека, так как правила определяют поведение через отношение и самоопределение человека к существующему законодательству.

Фуллер предлагает образ некоего Царя Рекса (*King Rex*), неумелого правителя, выдуманная история правления и реформ которого представляет собой предостерегающий рассказ о необходимости последовательности, ясности и предсказуемости в правовых системах и иллюстрирует восемь способов потерпеть неудачу в процессе законотворчества. Принципы изложены негативно, однако исследователь концепции Фуллера М. Д. Рейдин (M. J. Radin) предлагает перевести их в позитивную форму, в которой они будут выглядеть следующим образом:

1. Всеобщность (*Generality*).
2. Общеизвестность (*Notice or publicity*).

3. Перспективность (Prospectivity).
4. Ясность (Clarity).
5. Непротиворечивость (Consistency).
6. Соответствие (Conformability).
7. Постоянство (Stability).
8. Сравнимость (Congruency) [15, p. 785].

Таким образом, по Фуллеру, правовая система, чтобы издавать законы, должна соответствовать определенным моральным критериям, обладать рядом существенных этических свойств. По крайней мере, государство должно издавать законы, которые будут регулярными, общедоступными, перспективными, понятными, непротиворечивыми, возможными для соблюдения, постоянного и последовательного администрирования, то есть речь идет о единстве декларируемых правил и принципов с реальными действиями со стороны государства.

В свою очередь, моральное обязательство быть верными этим законам можно также возложить на граждан. Однако возникает вопрос: действительно ли сумма перечисленных Фуллером характеристик порождает законы, которые являются морально обязательными и верность которым граждане должны соблюдать. Фуллер подчеркивает, что следует различать простое уважение к закону и верность закону. В притче о Царе Рексе граждане оставались преданными своему правителю, но не были верны его закону, «так как ни одного закона он не создал» [9, с. 56].

В своей статье «Позитивизм и верность праву» (1968), вступая в дискуссию с юспозитивистом Г. Хартом, Фуллер утверждает, что «последовательность и добродетель стоят ближе, чем последовательность и порок». И здесь же добавляет: «Принимая это убеждение, я также верю в то, что, когда люди вынуждены объяснять и обосновывать свои решения, их целью, как правило, является ориентировать эти решения на добродетель» [10, с. 288]. Оба правоведа обращались к историческим примерам. Последовательное разворачивание программы юспозитивизма привело Г. Харта к тому, что он подтвердил правовой статус законодательства нацистской Германии [1, с. 54]. Принимая же во внимание требования внутренней морали права, следует заключить, что нацистское правительство Германии не было способно выпустить законы, которые отвечали бы сформулированным Фуллером критериям «внутренней морали права», оставаясь предосудительными по существу. Соответствие принципам «верховенства права», то есть следование самой сущности права и его эффективности, по его мнению, само по себе выступает моральной ценностью.

Поднятая Фуллером дискуссия о верховенстве права в связи с его концепцией «внутренней морали права» продолжает привлекать внимание, причем не только тех современных правоведов и философов права, которые, примыкая к юснатурализму, исходят из утверждения необходимости связи права с моралью. Даже некоторые правовые позитивисты признают, что если закон существует, то определенное соответствие его принципам верховенства права необходимо, и, в свою очередь, по существу, реализация этого принципа правовой системы является моральной ценностью [13, p. 603-635]. В то же время отмечается, что в своей, фактически процедурной, концепции естественного права сам Фуллер делает некоторые уступки позиции юспозитивизма [5, с. 420].

В эссе «Верховенство права и его ценность» («The Rule of Law and Its Virtue», 1977 г.) И. Раз сосредотачивается на содержании понятия «верховенство права» и сравнивает его с определенными Фуллером принципами «внутренней морали права». Главная идея И. Раза заключается в том, что принцип «верховенства права» означает буквально именно то, что заложено в самом словосочетании: не более чем верховенство, власть самого права. В самом широком смысле это означает, что люди должны подчиняться закону, управляться им [16, p. 212]. Далее, согласно И. Раза, этот буквальный смысл верховенства права может иметь два значения: во-первых, люди должны руководствоваться законом и подчиняться ему, а во-вторых, сам закон должен быть таким, чтобы люди могли им руководствоваться, соблюдать его. Раз также добавляет, что человек подчиняется праву в той мере, в какой он не нарушает закон. Отсюда основная интуиция доктрины верховенства права: «...закон должен быть способен определять поведение своих подданных» [Ibidem, p. 213-214]. Все вышеизложенное составляет *формальную сторону* концепции верховенства права.

Далее И. Раз предлагает принципы, которым должна соответствовать *процедурная* сторона концепции верховенства права. И именно здесь мы обнаруживаем ряд положений, перекликающихся со сформулированными Лоном Фуллером критериями внутренней морали права:

- 1) закон должен быть перспективным, то есть не иметь обратной силы, открытым для всех, а также понятным, то есть сформулирован ясно и четко, не вводит в заблуждение;
- 2) закон должен быть стабильным и не меняться слишком часто, поскольку отсутствие понимания закона не позволяет им руководствоваться как в краткосрочных, так и в долгосрочных решениях;
- 3) должны быть четкие правила и процедуры для принятия законов;
- 4) должна быть гарантирована независимость судебной власти;
- 5) следует соблюдать принципы естественной справедливости, особенно касающиеся права на справедливое судебное разбирательство, беспристрастности;
- 6) суды должны обладать полномочиями судебного надзора над тем, как реализуются другие принципы;
- 7) суды должны быть доступны; никому не может быть отказано в правосудии;
- 8) свобода действий правоохранительных органов не должна допускать искажения закона [Ibidem, p. 211].

По мнению Иосефа Раза, реализация этих принципов зависит от конкретных политических, исторических и культурных условий, существующих в различных обществах. Верховенство закона в целом следует отличать от демократии, социальной справедливости, равенства, а также прав человека.

Тем самым Раз вступает в полемику с Фуллером по вопросу о возможной моральной ценности верховенства закона. У него соответствие принципам верховенства права само по себе лишается морального значения, поскольку функция этих принципов – обеспечивать более эффективную реализацию посредством данного закона тех или иных конечных целей, к которым стремится законодатель. Вслед за Г. Хартом И. Раз формулирует т.н. «инструментальное возражение» Л. Фуллеру, стремясь тем самым доказать, что соответствие верховенству закона не имеет моральной ценности и, даже более того, не имеет связи с принципами равенства, прав человека, социальной справедливостью или демократией [14, p. 71-72].

Рассмотрим возражения И. Раза Л. Фуллеру подробнее.

Иосеф Раз настаивает на том, что верховенство права – это особое свойство правовой системы, которым она может обладать в большей или меньшей степени или даже не обладать вовсе. Верховенство права выступает одним из критериев достоинства (*virtue*) правовой системы, по которому ей можно дать оценку. В основе правовых систем недемократических государств содержательно может отсутствовать, например, признание прав человека, а среди населения этих стран процветать бедность, расовая сегрегация, дискриминация по половому и религиозному признаку. Разумеется, это отнюдь не означает, что в целом данная система будет лучше западных демократических правовых систем (согласно Разу, это, несомненно, худшая), и все же если брать отдельно требования правопорядка и критерий соответствия принципу верховенства права, то, по И. Разу, она может превосходить правовые системы более «просвещенных» западных демократий [16, p. 211].

Если Лон Фуллер утверждал, что предложенные им принципы верховенства права необходимы для существования самого закона (права), то Раз подчеркивает, что верховенство права он рассматривает «как идеал, как стандарт, которому должен соответствовать закон, но который он может и иногда нарушает наиболее радикально и систематически». Сам И. Раз следующим образом формулирует отличие своего подхода от утверждений Фуллера о верховенстве права и вопросе связи права и морали. Фуллер, допуская, что могут иметь место отклонения от идеала верховенства права, «отрицает, что они могут быть радикальными или тотальными». По его словам, «правовая система должна в определенной степени соответствовать верховенству права». Из этого утверждения он делает вывод, что существует необходимая связь между правом и моралью и закон обязательно должен быть моральным, по крайней мере в некоторых отношениях. Однако, по мнению И. Раза, попытка Фуллера установить необходимую связь между законом и моралью неудачна. «Соответствие верховенству права является достоинством (*virtue*)», то есть наличествующим (или отсутствующим) преимуществом, а вовсе не неотъемлемым свойством. Ему, по мнению И. Раза, может соответствовать только идеал политической системы, который хоть и должен стать реальностью, но может ею и не стать [Ibidem, p. 223-224].

Далее Раз предлагает еще один аргумент. Следует обратить внимание на то, что закон призван выполнять как свои прямые, так и косвенные цели. Например, прямая цель принятия закона, запрещающего расовую дискриминацию при найме на государственную службу, в том, чтобы обеспечить расовое равенство при найме и работе государственных служащих. Косвенной же целью может быть влияние на расовые отношения в стране в целом, их улучшение, предотвращение угроз забастовок. Или даже улучшение имиджа правительства, борьба за политическую поддержку. Соответствие верховенству права важно для реализации прямых целей закона, однако не всегда способствует реализации косвенных [Ibidem, p. 225].

В завершение эссе И. Раз разворачивает объяснение своего утверждения, что верховенство закона, разумеется, является неотъемлемым преимуществом, достоинством, «добродетелью» (*virtue*) законодательной системы, но не нравственной добродетелью как таковой. Согласно инструментальной концепции права, закон – это определенный социальный инструмент, основная функция которого – управление поведением людей. Как и другие инструменты, закон «имеет определенную добродетель», которая является морально нейтральной по отношению к цели, ради которой используется закон как инструмент. Раз сравнивает закон с ножом, основной функцией которого будет возможность резать, а, соответственно, необходимым свойством, достоинством (*virtue*) – острота. Для закона признаком эффективности будет такое достоинство, как верховенство права.

В то же время из верховенства права могут следовать ряд морально значимых следствий. С одной стороны, соответствие верховенству права может рассматриваться и как моральная добродетель. Подчиняющийся принципу верховенства права закон практически всегда имеет большую моральную ценность. С другой стороны, соответствие принципу верховенства права будет моральным требованием, если необходимо, чтобы закон мог выполнять те или иные значимые социальные функции: изготовление качественного, хорошо выполняющего свое назначение инструмента может стать моральным обязательством, если данный инструмент изготавливается для достижения морально значимой цели [Ibidem, p. 226]. И. Раз допускает, что как право в целом, так и его отдельные компоненты могут иметь моральные свойства. В то же время он продолжает жестко придерживаться позиции, что сущность права определяют «системные свойства» самого права. Эти свойства никак не связаны с теми или иными возможными моральными свойствами, ценностями и добродетелями [4, с. 130].

Дискуссия Л. Фуллера и И. Раза представляет собой образец постановки и решения вопросов в современной аналитической философии права. Ее ценность в том, что она показывает продолжающуюся актуальность споров юснатурализма и юспозитивизма. Это особенно видно на примере анализа принципа верховенства права. И. Раз, несмотря на декларируемый им «инклюзивный позитивизм» в вопросе соотношения морали и права, содержательно оказывается близким «внутренней морали» права Л. Фуллера. Мы видим сближение данных позиций, определенные уступки, что, несомненно, свидетельствует о том, что происходит осознание невозможности игнорирования наличия в праве его собственного морального содержания.

Список источников

1. **Баженова Е. А.** Философия права Г. Л. А. Харта: учеб. пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2016. 92 с.
2. **Дворкин Р.** О правах всерьез / пер. с англ.; под ред. Л. Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
3. **Держивицкий Е. В., Ларионов И. Ю., Перов В. Ю.** К вопросу об этике права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 4. С. 33-45.
4. **Дидикин А. Б.** Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 244 с.
5. **Дидикин А. Б.** Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 2. С. 418-424.
6. **Касаткин С. Н.** Основные идеи «Постскриптума» Герберта Л. А. Харта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 1. С. 5-15.
7. **Макинтайр А.** После добродетели: исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М. – Екатеринбург: Академический Проект; Деловая книга, 2000. 384 с.
8. **Пырина М. В.** Субъект права и особенности права в трактовке аналитической философии права // Эпистемы: сборник научных статей. Екатеринбург: Ажур, 2014. Вып. 9. Аспекты аналитической традиции. С. 153-161.
9. **Фуллер Л. Л.** Мораль права. М.: ИРИСЭН; Социум, 2016. 308 с.
10. **Фуллер Л. Л.** Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту // Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон+, 2017. С. 281-333.
11. **Харт Г. Л. А.** Позитивизм и разграничение права и морали / пер. с англ. В. В. Архипова // Правоведение. 2005. № 5. С. 102-136.
12. **Харт Г. Л. А.** Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с.
13. **Bennett M. J.** Hart and Raz on the Non-Instrumental Moral Value of the Rule of Law: A Reconsideration // Law and Philosophy. 2011. Vol. 30. № 5. P. 603-635.
14. **Penner J. E.** Legal Reasoning and the Authority of Law // Rights, Culture and the Law: Themes from the Legal and Political Philosophy of Joseph Raz / ed. L. H. Meyer, S. L. Paulson, T. W. Pogge. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 71-98.
15. **Radin M. J.** Reconsidering the Rule of Law // Boston University Law Review. 1989. № 69. P. 781-822.
16. **Raz J.** The Rule of Law and Its Virtue // Raz J. The Authority of Law. Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 210-228.

PROBLEM OF MORALITY OF THE RULE OF LAW PRINCIPLE

Larionov Igor' Yur'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Perov Vadim Yur'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Sevast'yanova Alina Dmitrievna

Saint Petersburg University

i.y.larionov@gmail.com; vadimperov@gmail.com; sebastianovaa@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the possibility of giving the moral value to the rule of law. The authors carry out the study of the arguments of the contemporary representative of legal positivism Joseph Raz in the context of his understanding of the rule of law regarding the conception “the internal morality of law” by Lon Fuller. The rule of law principle is considered as a sign of the virtue of law close in meaning to its moral value. This problem is developed in the framework of the ongoing discussion between natural law theory and legal positivism.

Key words and phrases: ethics of law; legal positivism; legal naturalism; rule of law; internal morality of law.

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 10.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.16>

В статье показано, что выстраивание культуры по сетевому принципу привело к трансформации самого понятия «приватность» и к становлению общества взаимной прозрачности, где все наблюдают за всеми. В условиях сетевизации культуры развернулось мощное движение как сторонников прозрачности, так и ее противников, стремящихся уйти от тотальной наблюдаемости и сохранить право на приватность. В работе рассмотрена эволюция прозрачности, вызванная сетевизацией современной культуры и прошедшая путь от наблюдения власти за обществом до взаимного контроля каждого за каждым. Автором выявлены такие следствия сетевизации культуры, как минимизация посреднических структур и трансформация института доверия, обусловленные развитием технологии блокчейн.

Ключевые слова и фразы: сеть; сетевизация культуры; прозрачность; паноптикум; синоптикум; надзор; приватность; блокчейн; доверие.

Лысак Ирина Витальевна, д. филос. н., профессор

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ivlysak@srfedu.ru

СЕТЕВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: НА ПУТИ К ОБЩЕСТВУ ВЗАИМНОЙ ПРОЗРАЧНОСТИ

На протяжении ряда последних десятилетий тема прозрачности, открытости, транспарентности современного общества является объектом пристального внимания исследователей, однако их оценки прозрачности